

Не дождавшись ответа Лун Яньда, Пэн Цзя отпустила его руку, вытерла глаза и, улыбнувшись, помахала ему.

— Я пошла, передай им, — решительно повернулась и направилась к контролю безопасности.

Что бы Лун Яньда ни ответил, «да» или «нет», Пэн Цзя не хотела это слышать. Этот вопрос не имел смысла, такой возможности просто не существовало — возможности, что он может любить женщин.

...

— Пэн Цзя сказала, что вернется через несколько месяцев. Ты знал? — Сун Синь спросил Нин Юэ, вернувшись к текущему моменту.

— Почему вдруг заговорили о Пэн Цзя? Разве мы не обсуждали дела Лао Чжоу? — Нин Юэ потушил окурок в цветочной клумбе.

— Разве? Ты же сам начал говорить о любви.

— Я говорил о любви, а ты перевел разговор на Пэн Цзя. С кем из нас она встречалась? — Нин Юэ попытался прояснить ситуацию. — Я не знал, что она возвращается. Вы с ней больше общаетесь. — Он провел рукой по лицу и вдруг широко раскрыл глаза. — Она что, до сих пор думает о Лун Яньда?

— Это нормально, что она о нем думает. Он не женат, она не замужем, а она его так любит, — сказал Сун Синь. — Вот только ей не суждено быть с ним, такова судьба.

— В молодости нельзя влюбляться в таких, как Лун Яньда. Его стандарты слишком высоки. После него кого еще можно полюбить?

Лун Яньда, который поднял свои стандарты до небес, еще в университете приготовился к тому, что будет одинок до конца жизни. Встретить человека, который бы тронул его сердце, было слишком сложно, поэтому он просто перестал надеяться и сосредоточился на своих патентах.

Глубокая осень. Золотые листья гинкго на обочине ослепительно сверкали, раскинувшись под высоким небом, словно великолепная картина.

В последнее время группа «Сине-ржаво-красный» не давала концертов и не репетировала. В составе не хватало одного участника, поэтому репетиции были невозможны.

Холодная война Мао Тао с его девушкой длилась уже две недели. Все друзья уговаривали его слетать и разобраться, что происходит. Многолетние чувства не давали ему покоя, и в итоге Мао Тао купил билет на самолет и отправился в город Чунцин, чтобы помириться с девушкой.

Студенты последнего курса уже практически не посещали занятия, все были заняты поиском работы. Но эти ребята не торопились. У всех была крепкая финансовая поддержка родителей, и даже если бы они стали бездельниками, живущими за их счет, это не было бы проблемой.

Второй сын семьи Сюй, Сюй Чэ, спал до полудня. Когда уже близилось время обеда, мама Сюй постучала в его дверь. Сюй Чэ лежал, свернувшись в мягком темно-синем шелковом одеяле, занимая всю кровать по диагонали. Его светло-золотистые кудри раскинулись на подушке, а густые ресницы плотно прикрывали веки. Он спал крепким сном.

В комнате стояла тишина. Мама Сюй открыла дверь, осторожно подошла к кровати и, накрыв одеялом, легонько шлепнула Сюй Чэ по попе.

— Малыш, пора вставать, время обедать, — ласково сказала она.

— М-м, мама... — Сюй Чэ, не открывая глаз, перевернулся на спину, положив руку на лоб. — Который час?

— Ой, какая разница, который час? Просто вставай, тетя уже приготовила обед. — Мама Сюй взяла пульт от штор на тумбочке и открыла темно-серые светонепроницаемые шторы. Яркий солнечный свет, смешанный с мельчайшими частицами пыли, устремился прямо на Сюй Чэ.

— Я не буду обедать. — Сюй Чэ сполз вниз, уткнувшись головой в одеяло, и, свернувшись калачиком, продолжил спать.

— Как это не будешь? Вставай, — мама Сюй потянула за угол одеяла, но оно не поддалось — Сюй Чэ крепко держал его. — Не заставляй невестку ждать. Ей сейчас нельзя голодать.

— Ешьте без меня, не ждите. — Сюй Чэ говорил из-под одеяла, его голос звучал глухо.

— Малыш, слушай, — мама Сюй села на край кровати, обняв большой комок одеяла, даже не зная, где именно находится ее сын. — Ты должен встать и выгулять Сяогуай, иначе невестка пойдет гулять с ним.

— О... Тогда передай ей спасибо. — Большой комок одеяла слегка пошевелился.

— Нет, не так, — мама Сюй фыркнула и потрясла одеялом. — Я не хочу, чтобы невестка выгуливала собаку. Она беременна, и ей нужно меньше контактировать с животными. Я ей говорила, но она слушает врачей, которые говорят, что Сяогуай вовремя привит и обработан от паразитов, и что это не повлияет. Но разве можно им верить? Я не спокойна. Ты должен встать и сказать, что сам выгуляешь.

Сюй Чэ не мог больше спать. Он высунул голову из-под одеяла, и солнечный свет, ярко освещая комнату, ударил ему в глаза. Он поднял руку, чтобы прикрыть их.

Мама Сюй собрала разбросанные по кровати пижамные штаны и рубашку и положила их рядом с сыном. Затем она осмотрела край одеяла.

— Трусы ищи сам, я их не вижу.

Сюй Чэ любил спать голым, завернувшись в одеяло. Мама знала об этой его привычке.

— Выйди, мама, я встаю. — Сюй Чэ сел, опершись на кожаное изголовье кровати, обнажив верхнюю часть тела с четкими линиями мышц и костей. Он зевнул, прищурив глаза.

Мама Сюй, улыбаясь, встала и пошла к двери.

— Мой сын унаследовал все самое лучшее от меня. Такой же белый, как маленький зайчик.

Что хорошего в том, что мужчина белый? Сюй Чэ бросил недовольный взгляд вслед маме и, медленно потянувшись, натянул на себя серую домашнюю толстовку с капюшоном. Надев верх, он скинул одеяло, оголив длинные ноги, и направился в ванную.

После умывания он вышел, наклонился и, перебрав одеяло, нашел черные трусы,

спрятавшиеся в углу. Босиком стоя на полу, он надел их, затем натянул свободные домашние штаны. Спускаясь вниз, он собрал волосы в небрежный пучок на затылке.

Мама Сюй и Мяо Сяосяо уже сидели за столом лицом к лицу. Сюй Чэ подошел и сел рядом с мамой. Она передала ему чашку с золотистым супом из морского огурца и пшена, а Мяо Сяосяо — чашку с прозрачным молоком и золотыми нитями ласточкиного гнезда.

Мяо Сяосяо двумя руками взяла чашку, улыбнулась и поблагодарила, затем начала пить маленькими глотками.

— Невестка, я позже выгуляю Сяогуай, — сказал Сюй Чэ, взяв фарфоровую ложку и зачерпнув немного пшеничного супа. Он посмотрел на Мяо Сяосяо, сидящую напротив.

— В середине дня? Выгуляй его вечером.

Сюй Чэ наклонил голову и сделал маме смешную гримасу: «Невестка явно не говорила, что нужно выгуливать собаку сейчас. Мама, ты просто хотела, чтобы я встал, да?»

Мама Сюй слегка шлепнула его по голове и поправила воротник его домашней одежды.

— Похолодало, одевайся теплее. Если простудишься, будет беда.

— Мама, — Сюй Чэ быстро допил суп и указал пальцем на окно. — Что там снаружи?

— Что? — Мама Сюй посмотрела в направлении, куда он указал. За окном был двор, где прыгал большой золотистый ретривер. Что еще там могло быть? Непонятно.

Мяо Сяосяо тоже посмотрела в ту сторону, заметив на лице Сюй Чэ лукавую улыбку, и, опустив голову, сдержанно улыбнулась.

— Солнце, осеннее теплое солнце, — сказал Сюй Чэ, протянув руку за мясными шариками. — Мама, я что, такой слабый?

Черт возьми. Мама Сюй была озадачена, молча положив себе в тарелку немного китайской капусты.

— Мама, попробуйте это, — Мяо Сяосяо вовремя подала маме кусочек приготовленной на пару рыбы. — Тетя сегодня отлично приготовила рыбу, совсем не пахнет.

Выражение лица мамы Сюй немного смягчилось. Мяо Сяосяо, заметив это, кашлянула и подмигнула Сюй Чэ.

Трехлетние отношения учителя и ученика теперь превратились в отношения зятя и невестки, и они стали особенно понимать друг друга. Сюй Чэ, получив намек от «учителя Мяо», положил палочки, повернулся и обнял маму за плечи.

— Мама, не переживай за меня. Врачи сказали, что если моя болезнь не вернется в течение пяти лет, то считается, что я выздоровел. А сколько пятилеток уже прошло? Я давно здоров.

Сюй Чэ говорил о своей болезни, которая когда-то ограничивалась пятилетним сроком, чтобы успокоить маму. Но чем легче он относился к этому, тем больше мама винила себя. Она положила палочки, и глаза ее наполнились слезами.

— Это все наша вина, что мы оставили тебя одного в деревне, когда ты был маленьким, и ты

заболел... — Мама Сюй начала вытирать глаза.

— Эй, мама, хватит, хватит, — Сюй Чэ поспешно остановил ее. — Моя болезнь не связана с тем, что я был в деревне. Не связывай это с тем, — он взял палочки со стола и вложил их в руку мамы. — Ешь, ешь, после обеда пойдешь играть в маджонг с тетей Ли.

— Но ты не должен простужаться, врачи так сказали. — Мама Сюй подняла чашку с рисом, настаивая на своем.

— Хорошо, хорошо, я обещаю не простудиться. Если простужусь, буду собакой.

Почему собакой? Ну и бред.

Не собакой, не собакой, просто ешьте быстрее, еда остывает. Сюй Чэ уговаривал маму, то подкладывая ей еду, то наливая суп, и в конце концов смог вызвать у нее улыбку.

Авторская заметка: Спасибо, дорогие читатели, за то, что читаете. Люблю вас~

<http://bllate.org/book/16157/1447548>